

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221198-210>

Исследовательская статья

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна

д.и.н, заведующая отделом этнографии Кавказа

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия  
[albmasc@mail.ru](mailto:albmasc@mail.ru)

## РОЛЬ ЗИЙАРАТОВ В СУФИЙСКИХ ПРАКТИКАХ ПАЛОМНИЧЕСТВА ЖЕНЩИН-МЮРИДОВ ИНГУШЕТИИ

*Аннотация.* Статья посвящена исследованию роли зийаратов (мест почитания святых) в суфийских практиках паломничества женщин-мюридов в Ингушетии. Цель работы – выявить особенности религиозного опыта женщин-мюридов, совершающих паломничества к зийаратам, проанализировать мотивации, практики и социальное значение этих путешествий. Основное внимание уделяется женской религиозной активности, связанной с культом авлия Кунта-хаджи Кишиева и практиками паломничества к зийаратам, связанным с его именем. Результаты исследования показывают, что зийараты играют важную роль в духовной жизни женщин-мюридов. Паломничество к святым местам рассматривается как средство очищения души, искупления грехов, получения благословения (бараката) и установления личной связи с Аллахом и святыми. Они предоставляют возможность для общения, обмена опытом, укрепления социальных связей и чувства общности верующих. Зикры и ритуальные практики выступают в качестве мест, где женщины могут выразить свою религиозность, обсуждать жизненные проблемы и получать поддержку от других мюридов. Анализ мотиваций паломничества показывает, что женщины-мюриды руководствуются как личными, так и коллективными мотивами. Личные мотивы включают потребность в духовном росте, преодолении жизненных трудностей и укреплении веры. Коллективные мотивы связаны с поддержанием религиозных традиций, сохранением памяти о предках и укреплением социальной солидарности. В результате проведенного исследования удалось показать, что для женщин-суфиев посещение зийаратов является важным элементом религиозной и социальной жизни, дающей им возможность для духовного роста, социального взаимодействия и укрепления культурной идентичности.

*Ключевые слова:* ингуши; Кунта-хаджи; кадирийский тарикат; ислам; зикр; женщины-мюриды; суфийские практики; зийарат; ритуал

**Для цитирования:** Албогачиева М.С.-Г. Роль зийаратов в суфийских практиках паломничества женщин-мюридов Ингушетии // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 198-210. [doi.org/10.32653/CH221198-210](https://doi.org/10.32653/CH221198-210)

© Албогачиева М.С.-Г., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221198-210>



Research paper

Makka S-G. Albogachieva  
Dr. Sci., Head of Dep. of Ethnology of the Caucasus  
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS, Saint-Petersburg, Russia  
[albmac@mail.ru](mailto:albmac@mail.ru)

## THE ROLE OF ZIYARATS IN THE SUFI PILGRIMAGE PRACTICES OF FEMALE MURIDS IN INGUSHETIA

*Abstract.* This article investigates the role of ziyarats (shrines dedicated to saints) within the Sufi pilgrimage practices of female murids in Ingushetia. The study aims to identify the specific characteristics of the religious experiences of these women, analyzing their motivations, ritual practices, and the social significance of their journeys. Central focus is placed on female religious activity associated with the cult of the awliya Kunta-Haji Kishiev, specifically the pilgrimages to shrines linked to his name. The research findings indicate that ziyarats play a vital role in the spiritual lives of female murids. Pilgrimage to these sacred sites is viewed as a means of spiritual purification, the atonement of sins, the attainment of barakat (divine blessing), and the establishment of a personal connection with Allah and the saints. Furthermore, these sites facilitate social interaction, the exchange of experience, and the strengthening of communal ties. Zikr and other ritual practices serve as platforms where women can express their religiosity, discuss life challenges, and receive support from fellow disciples. The analysis reveals that these women are driven by both personal and collective motivations. Personal ones include a need for spiritual growth, overcoming life's hardships, and reinforcing faith. Collective ones include the maintenance of religious traditions, preservation of ancestral memory, and the promotion of social solidarity. The study concludes that for Sufi women, visiting ziyarats is a fundamental element of both religious and social life, providing a vital space for spiritual development, social engagement, and the reinforcement of cultural identity.

*Keywords:* Ingush people; Kunta-Haji; Qadiriyya Tariqa; Islam; Zikr; female murids; Sufi practices; Ziyarat; ritual

**For citation:** Albogachieva M.S-G. The Role of Ziyarats in The Sufi Pilgrimage Practices of Female Murids in Ingushetia. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 198-210. [doi.org/10.32653/CH221198-210](https://doi.org/10.32653/CH221198-210)

© Albogachieva M.S-G., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

## Введение

Паломничество к святым местам или зийаратам<sup>1</sup> характерно для многих мусульманских регионов мира. Посещение зийаратов является неканонической нормой, распространенной у многих народов, исповедующих ислам. Р.Р. Рахимов, посвятивший много исследований данной теме, пишет: «Культ святых и паломничество к священным местам позволяют верующему обратить взоры к духу конкретного подвижника религии (учителя и пира) или другого почитаемого объекта как к посреднику между Богом и им самим с конкретными целями. В этом случае страх перед Богом отступает, трансформируясь в надежду или, если можно так выразиться, становясь созвучным ей. <...> Таким образом, появляется возможность говорить о культе святых и паломнической практике не в контексте книжного ислама, а как об области народной религии, в значительной степени оторванной от доктринальных установок господствующей религии» [1].

Несмотря на внутренние противоречия, зийараты становятся некими центрами духовности и истории ислама во многих регионах мира. Эта тема нашла широкое отражение в трудах В.Н. Басилова [2], А.В. Сызранова [3], З.Р. Хабибулиной [4], Б.М. Бабаджанова и А.К. Муминова [5], И.В. Стасевич [6] Т.М. Айтберова [7], Д.А. Гусеновой [8] и многих других исследователей. Однако паломнические практики ингушских женщин не привлекли до настоящего времени должного интереса у исследователей, занимающихся изучением ислама в регионе. Данная статья является продолжением начатой работы по женским практикам и является более полной и расширенной версией опубликованных ранее статей по указанной теме.

Для изучения практик паломничества были проведены полевые исследования в Назрановском, Малгобекском и Сунженском районе Республики Ингушетия с 2020–2025 гг. Каждый исследователь в ходе работы сталкивается с тем, что обнаруживает материалы, которые ранее не были известны и никогда не удается поставить точку в разрабатываемой теме, так как все меняется очень быстро и материалы, опубликованные ранее, удачно дополняются новыми, ранее не известными сведениями. Наиболее продуктивным по опыту предыдущих лет показывает себя метод анкетирования, интервьюирования и включенного наблюдения. Для этого был проведен сбор материала среди женщин, практикующих и не практикующих громкий зикр (всего 62 человека). Отбор респондентов производился исключительно по гендерному принципу: женщины от 25 до 75 лет. Эта выборка была обусловлена тем, что нужно было понять, как относятся к зикрам сами участницы и молодое поколение женщин, которые против этих практик. Национальный состав – ингуши и чеченцы.

Большая часть интервью проводилась индивидуально, так как раскрывать свой внутренний мир и открываться перед кем-либо многие отказывались. Более насыщенными информацией были приватные беседы. Часть женщин не желали говорить на диктофон или видеокамеру, особенно если вопросы касались правомочности ритуальных практик, практикуемых женщинами.

Интервью проводилось на русском и ингушском языке. Эмпирический материал, собранный в ходе исследования, дополнил имеющиеся теоретические данные.

## Основная часть

В ингушской среде суфизм существует уже более 150 лет, обладая уникальными локальными особенностями, свойственными региону. Приняв ислам окончательно в середине XIX в., ингуши начали активно практиковать громкий зикр. Эта суфийская практика получила распространение на Кавказе благодаря учению шейха Кунта-хаджи Кишиева (1812–?). В ингушском обществе практика зикра постепенно и неуклонно распространялась с 1847 г. [9, с. 24].

Кунта-хаджи дал разрешение женщинам практиковать громкий зикр. С указанного периода женщины постепенно начали вовлекаться в религиозную жизнь ингушского общества. Первыми стали участвовать в зикрах жены, сестры, дочери адептов Кунта-хаджи. Многие освоили чтение Корана, научились читать мавлиды и стали посещать зийараты. Практики посещения зийаратов женщинами,

<sup>1</sup> Зийарат в исламе – это благочестивое посещение, паломничество к святым местам, могилам пророков, святых, шейхов или имамов.

практикующими зикры, появились, как свидетельствуют имеющиеся данные, в начале XX в. и были связаны с культом поклонения тому или иному шейху. Мы не располагаем сведениями о том, кто конкретно возглавил указанное движение, но знаем, что с указанного периода практики паломничества были известны в ингушском обществе. В 30-х годах эта практика сошла на нет в связи с репрессиями и долгие последующие годы она была под запретом.

В 1944 г. ингуши были депортированы. Находясь вдали от дома долгие 13 лет ингушские женщины искали культовые места в Казахстане, где обращались к Аллаху с мольбами и просьбами о милости и прощении их в этом и в ином мире, о скорейшем возвращении на Родину<sup>2</sup>. После возвращения из депортации в 1957 г. женщины начали собираться вместе, и к 70-м годам их религиозная община стала многочисленной. С этого периода религиозная женская активность не прекращалась, так как в духовной культуре ингушского народа культ *авлия* занимает важное место<sup>3</sup>. С ним связаны неканонические практики посещения зийаратов и природных объектов, обладающих сакральными свойствами. Они связаны с местной религиозной спецификой ислама и представляют собой симбиоз с домусульманскими традициями, существовавшими в местном обществе в период до принятия ислама. Что примечательно, многие адепты того или иного *авлийя*, не зависимо от гендерной принадлежности, считают свои ритуальные практики посещения зийаратов легитимными и допустимыми. В то же время «представители официальных исламских институций часто осуждают практику паломничества, а простые обыватели не видят противоречия между традицией посещения святых мест и нормами ислама, при этом они считают себя «настоящими мусульманами» [6, с. 552]. Как справедливо отмечают сами женщины, посещение зийаратов больше практикуется женщинами, нежели мужчинами. Возможно, это связано с тем, что они более эмоциональны и постоянно нуждаются в духовной подпитке, которую получают во время посещения зийаратов. Женщины живут в некой своей реальности, в которой значительную роль играют их наставницы и руководители в лице *туркха*<sup>4</sup> и *тхамады*<sup>5</sup>. В этом контексте хочется отметить, что ритуальная практика женщин-мюридов в многом зависит не только от их личных предпочтений, но и желания наставницы.

Паломничество к «святым местам» оказывает глубокое влияние на духовную жизнь женщин, а через них и на общество в целом. Это не просто путешествие к святым местам, а путь к самопознанию, духовному росту и преображению. Женщины изменяются как внешне, из-за одежды соответствующей нормам ислама, но и внутренне. Совместное пребывание в святых местах с другими верующими укрепляет чувство общности и солидарности объединяют их общей целью – поиском духовной истины и приближением к Богу. Взаимная поддержка, духовные беседы и совместные молитвы создают особую атмосферу братства и любви, которая остается у паломниц на всю жизнь. Посещение этих мест позволяет паломницам прикоснуться к прошлому, увидеть культовые места, с которыми связана жизнь выдающихся деятелей ислама. Паломничество к этим зийаратам способствует сохранению и преумножению культурного наследия, делая его доступным для всех желающих.

### ***Возрастной и социальный состав участниц зикра***

Средний возраст современных женщин-мюридов – 45–70 лет. Как сообщают информанты, в 70-х годах возрастной состав женщин, практикующих зикры, был гораздо моложе. В тот период в религиозное братство могли приходиться даже девочки, которым исполнилось 10 лет, но это чаще всего были дочери или близкие родственницы женщин-суфиев. В связи с изменениями, произошедшим в обществе под влиянием реисламизации последних десятилетий, многие молодые женщины перестали участвовать в зикрах, руководствуясь мнением о неправомерности этих ритуалов. Современные участницы зикров в основном женщины возраста ритуальной чистоты, т.е. находящиеся в менопаузе. Многие из них вдовы или одинокие женщины, которые принимают самостоятельное решение о способах

2 ПМА 2023 г.

3 Авлия (аулия, вали) - в исламе это термин, обозначающий святых, праведников, приближенных к Аллаху.

4 Тхамада - старшина мюридов

5 Туркх – помощник исполнитель

совершенствования своего духовного мира. Женщины, практикующие зикр, в основном имеют среднее или незаконченное высшее образование, редко – высшее образование. Многие из них служащие, домохозяйки или пенсионерки.

Интервью одной из мюридов позволило увидеть не только практику зикра, но и причины ее прихода в это женское религиозное братство.

*«Путь, который привел меня к тому, чтобы стать мюридом, был очень сложным. Я развелась с мужем и переехала жить к своему отцу в Малгобек. Отец был очень набожным человеком и в отличие от многих ингушских мужчин считал, что женщина имеет одинаковые права с мужчиной в отношении исполнения религиозных догм и различных предписаний Аллаха. Он каждую пятницу брал меня с собой в мечеть, чтобы я могла услышать проповеди имамов на ингушском языке. Ведь не зная арабский язык, мы не можем понять даже суть произносимых нами молитв, и этот шанс давал мне возможность углубиться в основу мусульманской религии. Я очень внимательно слушала хутбу во время пятничной молитвы и когда расходились мужчины спускалась на первый этаж в мужскую половину мечети, задавала свои вопросы имаму и получала на них обстоятельные ответы. Постепенно мне стало мало этого общения, и я стала ощущать некую неопределенную тоску и пустоту. Я понимала, что существует нечто большее, чем то, что можно увидеть и услышать, но я не знала что это. Случайно я стала свидетелем как проходил зикр на похоронах моей соседки. Здесь, в Ингушетии, в прошлом женщины-мюриды участвовали в зикрах после похорон женщин чаще, чем сейчас. Женщины, желавшие, чтобы после их похорон проводили в течение нескольких дней женские зикры, писали об этом в завещании. В настоящее время эта практика постепенно отмирает, но в 1970-х это было достаточно массовым явлением и мне хотелось стать участницей этого ритуала. Судьба меня свела с замечательной женщиной, которая была тхамадой в Малгобеке и на протяжении многих лет возглавляла эту группу женщин, практикующих зикры. Я попросилась вступить в их религиозное братство, и она назначила мне встречу. Когда я пришла, она попросила меня рассказать о себе, о семье и причинах, из-за которых я хочу вступить в группу практикующих зикр. Она просто слушала меня с вниманием и сочувствием, и когда я закончила свое повествование, предложила мне прийти в свое братство. Неопределенное чувство владело мной, и я находилась в некоторой неопределенности. В одну из ночей мне приснился сон. Я знаю, что нежелательно рассказывать сны, но Вам расскажу - Я еще только готовилась стать мюридом и была на пути обучения, как однажды ночью мне приснился сон. В нем ко мне подошел один старик неземной красоты, с большим посохом, как носят Кунтахаджинцы, с длинной бородой, в длинном зеленом халате, напоминающим ингушскую черкеску. С ним была очень красиво одетая женщина, в руках которой был сверток. Она его отдала мне, и тогда старик сказал: «Ты богом избранная девочка и ты должна идти этим путем. Ты совершишь хадж в будущем, но не сходи никогда с пути, который ты избрала. Посещай зийараты в Артане и делай зикры». Я проснулась, встревоженная пошла к Марем и рассказала увиденный мною сон. Она сказала, что это знак, что я должна стать мюридом. Я сказала, что под ее началом мне ничего не страшно. Марем была очень обрадована и пожелала, чтобы я не сворачивала с этого пути, что я Аллахом избрана и она хочет стать моей названной матерью как в этом мире, так и в другом. Я была очень тронута и приняла ее предложение. Марем научила меня суфийским практикам – зикру, мовлиду, назымам, различным дуа и техникам громкого зикра. Она объяснила мне, что цель суфизма – очистить сердце от эгоизма, зависти, злословия, любить людей, даже если они и обидели, быть благодарной за все, что нам дает Аллах»<sup>6</sup>.*

### **Дресс-код женщин**

Женщины, практикующие зикр, соблюдают определенный дресс-код, в котором самое важное условие – одежда, соответствующая нормам ислама. Женщины мюриды не носят черные абай, считая, что эта одежда совершенно не уместна для ингушских женщин. Большая часть из них отмечает, «наши

6 ПМА 2025 г.

мамы и бабушки, достигшие возраста 50–60 лет, надевали платки и носили платья, закрывающие тело, кроме ладоней и лица, даже в советскую эпоху. Эта одежда возрастных женщин была, есть и надеюсь будет, но не арабская, привнесенная сегодня в общество «новыми мусульманами»<sup>7</sup>. Женщины надевают преимущественно белую и зеленую одежду, но универсальной и единой формы одежды нет. Этого никто от них не требует, поэтому все приходят в той одежде, которая им удобна, комфортна и соответствует нормам ислама.

У всех женщин обязательно должны быть четки из 99 бусин, чтобы не сбиться со счета во время зикра. Вирд – задания, возложенные Кунта-хаджи на своих адептов, требует их строгое выполнение в срок. Среди них предписанные им обязательства, состоящие в пятнадцатикратном произнесении формулы *истиғфара* («Я прошу прощения у Аллаха») после каждой из пяти ежедневных молитв. Затем они стократно повторяют формулу *таухида*: «Ла илаха илла Ллах» («Нет бога, кроме Аллаха»). Завершается вирд пятикратным чтением *салавата*: «Аллахума соли ‘ала Мухаммади ва ‘ала али Мухаммад ва салим» («О Аллах, благослови и приветствуй Мухаммада и семью Мухаммада»). Эти вирд-задания, передаваемые из уст в уста, глубоко укоренились в соционормативной культуре ингушей, и последователи шейха стараются неукоснительно выполнять их в строгой последовательности. Четки, используемые при совершении вирда, стали атрибутом суфиев, как среди мужчин, так и среди женщин.

### **Наставницы и их функции**

У женщин, как и у мужчин, есть старшина мюридов (инг. *тхамада*) и помощник-исполнитель (инг. *туркх*), которые выполняют функцию наставниц. Они являются авторитетными женщинами, адептами Кунта-хаджи. Они не имеют официально подтвержденного документа о религиозном образовании, но считаются в обществе очень компетентными в вопросах ислама женщинами. Для получения статуса наставницы важно обладание ораторским искусством, знания Корана и Сунны. Их мнение учитывается при решении религиозных вопросов, они выступают с проповедями и наставлениями, направленными на укрепление веры и нравственности в ингушском обществе. Традиционно *туркх* и *тхамада* были примером благочестия и моральной чистоты, их авторитет основывается на знаниях, мудрости и жизненном опыте. Большая часть наставниц происходят из очень религиозных семей, приверженцев кадийского тариката. Одна из руководителей братства рассказывала о себе и своих подопечных: «В основной своей массе в зикре женщины, которые искали духовную поддержку и руководство. Они приходили ко мне с разными проблемами и вопросами. Некоторые страдали от одиночества, другие – от депрессии, третьи – от семейных конфликтов. Я старалась помочь им всем, как могла. Я слушала их внимательно, давала им советы, делилась с ними своими знаниями и опытом. Я учила их суфийским практикам, таким как зикр, чтение Корана, умение через дуа доносить свои просьбы да Аллаха. Я учила их правильно двигаться и дышать. Брать на себя ответственность за свою жизнь, за свои поступки, за свои слова. Всегда приводила примеры из жизни жен и дочерей пророка Мухаммада и Кунта-хаджи. Со временем мои ученицы стали моими друзьями, моими сестрами, моей семьей. Мы делились друг с другом своими радостями и печалью, своими успехами и неудачами. Мы вместе молились, делали громкий зикр, исполняли назьмы. Мы создали свое небольшое суфийское сообщество, где царил любовь, мир и взаимное уважение. Зикры и регулярные встречи сделали нас одним целым. Сегодня, спустя много лет, я могу сказать, что моя жизнь удалась. Я стала суфийским учителем и воспитала много женщин-мюридов, которые стали духовными, счастливыми, успешными. Женский зикр – это не только религия, это искусство жить в гармонии с собой, с другими людьми и с Богом. Это путь любви, милосердия и мудрости, который доступен каждому, кто искренне ищет его. И я благодарна Аллаху за то, что он сделал меня мюридом Кунта-хаджи и позволил мне собрать вокруг себя женщин, которые душой и телом пронизаны любовью к Всевышнему Аллаху и своему авлийя»<sup>8</sup>.

7 ПМА 2024 г.

8 ПМА 2025 г.

*Туркх* и *тхамада* несут одинаковую ответственность за обучение своевременному и правильному исполнению зикра. В первую очередь женщины, приходящие в религиозное братство Кунта-хаджи, должны принять на себя обет выполнять вирд-задания, возложенные им на своих мюридов. Женщин обучает *тхамада*, но контролирует выполнение заданий, чаще всего *туркх*. Они вдвоем направляют и контролируют их в процессе обучения. От правильности выполнения обрядов и ритуалов зависит и результат. Женщина-*туркх* в основном обучает практике зикра. Она должна научить ученицу правильно дышать и двигаться, опираясь большей частью на правую ногу, во время кругового зикра, исполнять *назымы* и читать *мавлиды*. Все это необходимо знать каждой практикующей круговой зикр женщине, иначе она может нанести себе и другим травму во время быстрого бега по кругу, поэтому *туркх* контролирует ее движения, так как от ее умения зависит слаженное проведение ритуала. Пока ученица не освоит все необходимые практики, она не допускается в коллективный зикр. Одна из участниц зикра вспоминает, как *тхамада* обучала ее в самом начале появления в братстве. «Она была строгим учителем и не давала мне никаких поблажек, заставляла меня работать над собой, преодолевать свои недостатки, укрощать свои эмоции. Она учила меня видеть Бога во всем и во всех, даже в самых трудных ситуациях и самых неприятных людях. Это было достаточно трудно для меня. Я испытывала сомнения, неуверенность, страхи. Иногда мне казалось, что я никогда не смогу стать настоящим мюридом. Она всегда говорила на ингушском языке «быстрая вода не достигает моря» (инг. *сих даха хий фордагI кхийтадац*). Что обучение важно и требует времени, терпения, усилий и глубокой веры. Что самое главное – это не бояться, не сдаваться, а продолжать двигаться вперед, несмотря ни на что. Аллах всегда рядом, Он поможет»<sup>9</sup>.

*Туркх* и *тамада* знают всех участниц коллективного зикра. Для женщин-мюридов коллективные зикры, *мавлиды*, паломничество, религиозные песнопения и *дуа* – это мольба к Богу, обращение к Всевышнему. Богословы отмечают, что «дуа у мусульман является наиважнейшей формой поклонения Всевышнему Аллаху и включает себя не только *дуа* о помощи у Аллаха, но и любой вид исламской мольбы о дозволенном в этом мире и Вечной жизни»<sup>10</sup>.

К сожалению, мусульманское *дуа*, как жанр устного народного творчества, не нашло фиксации в научных публикациях, но оно представляет значительный интерес как для филологов, так и для этнографов и исламоведов. Мы не будем расписывать содержание *дуа* женщин суфиев, эта тема будущих исследований, но их изучение очень важно для понимания современного состояния ислама. Вкратце отметим, что в зависимости от того, где находятся женщины, *дуа* может содержать кроме восхваления Аллаха, пророка Мухаммада, *авлия*, и другие различные просьбы, фиксирующие проблемы, переживаемые ингушским обществом или мусульманской уммой. Так, например, если кто-то болеет, то просят за него. «Долго болел сын знакомой женщины, и мы решили за него сделать коллективное *дуа*. Для этого мы ездили в Артане к *зийарату Хеди* и в этом намоленном месте обращались к Аллаху с просьбой помочь больному и дать ему исцеления от болезни. Прошло несколько недель, и знакомая нам сообщила, что ее сын, который на протяжении нескольких лет болел, начал поправляться»<sup>11</sup>.

*Туркх*, как наставница, отвечает за каждую женщину не только в ритуальной практике, но и в повседневной жизни.

Женские собрания для зикра обычно организуются по понедельникам и четвергам. Особое почитание этих дней связано с тем, что ночь перед понедельником ознаменована рождением пророка Мухаммеда, а в ночь на четверг родился Кунта-хаджи. Собираются женщины для проведения ритуала днем, стремясь приурочить его начало ко времени, близкому к полуденной молитве. Более детальное описание этого ритуала можно найти в работе М.С.-Г. Албогачиевой [10, с. 155].

Не смотря на преклонный возраст большинства женщин-мюридов, они занимаются активной помощью больным, нуждающимся и малоимущим. Традиция взаимопомощи в ингушском обществе сыграла исторически важную роль в преодолении многих кризисов. Помощь женщин-мюридов зачастую бывает анонимной, так как это считается более богоугодным деянием. Таким образом, мы видим, что *туркх* и *тхамада* являются важными фигурами в ингушском обществе, которые играют значительную роль в сохранении традиций, укреплении веры и поддержании общественной идентичности.

9 ПМА 2025 г.

10 Что такое *дуа* // <https://medinaschool.org/library/creed/dua/chto-takoe-dua>

11 ПМА 2023 г.

## Зийараты

Паломничество женщин к зийаратам в периоды мусульманских праздников, включая день рождения Кунта-хаджи, обычно проводятся большими группами. Индивидуальные поездки к святым местам совершаются в случае болезни или трудных обстоятельств у близких и родных. Такая практика сложилась исторически давно, продолжалась в советское время и поддерживается в наши дни. Отсутствие возможности посетить Мекку для совершения хаджа в советский период побуждало верующих совершать паломничества к доступным святыням пешком или на транспорте. М. Ваचाгаев<sup>12</sup> отмечал, что для адептов Кунта-хаджи «семикратное посещение могилы шейха Ташу-хъажи в Саясане и матери Кунта-хъажи Хеди в Эртан-Корта считалось эквивалентом хаджа в Мекку» [11, с. 54]. Так конечно считали не все верующие, но, тем не менее, паломничество существовало. Возможность совершать хадж в Мекку открылась для мужчин в 1990 г. Женщины из Ингушетии смогли посетить Саудовскую Аравию и совершить хадж только в эпоху современной России.

Хадж в Мекку является заветной мечтой для многих женщин, участвующих в зикрах. Несмотря на поддержку меценатов, которые отправляют определенное количество соотечественников в хадж, зачастую эта мечта оказывается несбыточной из-за высокой стоимости такого путешествия. Но, как сообщают респонденты, женщины-мюриды не испытывают разочарования, так как всегда могут совершить паломничество к зийаратам, связанным с жизнью и деятельностью Кунта-хаджи и других выдающихся деятелей Кавказа. Регулярно участвуя в зикрах, они хорошо осведомлены о ключевых датах религиозных праздников и различных событиях, проводимых как в Ингушетии, так и в соседних регионах Кавказа. Эта активность не всегда связана исключительно с кадирийскими братствами Кунта-хаджи Кишиева, Хусейн-хаджи Гарданова, Али Митаева, в которых женщины участвуют в групповом зикре, но и с историей ислама в регионе.

Из рассказов респондентов стало известно, «что большая группа женщин ездила в Грозный в 2012 году посмотреть реликвии, связанные с жизнью пророка Мухаммеда привезенные из Объединенных Арабских Эмиратов, в 2015 году принимали участие в праздничных мероприятиях, посвященных юбилею города Дербент, посещали во время мусульманских праздников Мемориальное кладбище «Кърхляр», ездили на открытие значимых мечетей»<sup>13</sup>.

Современные социальные сети объединяют женщин, участвующих в зикрах, независимо от их возраста. Они способствуют их высокой мобильности: здесь размещается вся информация о предстоящей поездке, ее стоимости, подробно расписан маршрут и места остановок. В Ингушетии существуют особые гиды, выступающие в роли проводников для паломников - последователей Кунта-Хаджи. Такие гиды хорошо осведомлены о жизни шейха и его семьи. Они формируют группы и организуют поездки по значимым для кунтахаджинцев местам, учитывая пожелания участников группы. Местами почитания считаются не только могилы святого и его родственников, но и различные природные объекты, имеющие отношение к их деятельности, такие как холмы, горы, источники и камни, которые, как они верят, обладают особой силой и благодатью.

Маршрут этих паломнических поездок охватывает как Ингушетию, Чечню так и Дагестан, включая все зийараты, связанные с именами выдающихся деятелей ислама. В случае большого количества паломниц используются микроавтобусы, а для небольших групп – минивэны.

Для обозначения автомобиля с паломниками на зеркало заднего вида крепится зеленый флажок или на лобовом стекле крепится табличка – «Паломники», чтобы другие водители знали о религиозной цели поездки. Отправление обычно происходит из Назрани, с обязательным посещением селения Барсуки в Назрановском районе, где находится зийарат *тхамады* кадирийского тариката Тешала Ужахова, которого Кунта-Хаджи в 1847 г. рекомендовал ингушам в качестве главы общины во время своего пребывания в Ингушетии. Далее паломницы направляются в Чечню, к зийарату матери Кунта-Хаджи.

Во время всего путешествия женщины возносят молитвы и исполняют религиозные песнопения (*назымы*). Существует множество *назымов*, повествующих о жизни Кунта-хаджи, его роли в истории

12 Ваचाгаев Майрбек Момуевич - 1 сентября 2023 г. Министерством юстиции России внесён в список физических лиц – «иностранных агентов».

13 ПМА 2023 г.

народа и его значении в укреплении ислама в регионе. Выражая почтение его близким, паломницы посвящают часть песнопений его родителям и брату.

Одна из моих информантов – Лида (Седа) Арцханова, практикующая громкий зикр. Она обладает красивым голосом, знает много религиозных песнопений и читает *мавлиды*. Лида (Седа) и исполнитель, и собиратель этих религиозных песнопений. Часто Лиду просят быть запевалой *назымов*. В долгой дороге религиозные песнопения исполняют по очереди несколько женщин.

Приехав на зийарат, женщины переходят от песнопений к чтению зикра, который длится все время посещения святыни и по дороге к нему после выхода из транспортного средства.

Раньше паломникам было очень трудно совершать зийараты, так как дороги были разбиты и запущены. В начале XXI в. здесь начались массовые восстановительные дорожные работы. В 2016 г. глава региона отреставрировал все зийараты Чечни и проложил к ним хорошие дороги независимо от их вирдовой принадлежности. Но самым важным, особо почитаемым и посещаемым является зийарат Хеди – матери Кунта-хаджи. В Чечне 10 июня в день рождения шейха Кунта-Хаджи Кишиева всех желающих посетить зийарат Хеди обеспечивают бесплатным транспортом, чтобы облегчить им процедуру паломничества. Инфраструктура и окрестности зийарата Хеди за последние десятилетия заметно улучшились.

Дорога к зийарату Хеди проходит через село Сержен-юрт, в котором имеется дом и мечеть для паломников. Их построил Султан-хаджи Насухаев и его супруга Тамара в 2003 г. В доме для паломников имеются две отдельные для женщин и мужчин комнаты для совершения омовения, намаза, зикра и хорошо оборудованная всем необходимым столовая<sup>14</sup>.

В окрестностях зийарата имеется большое количество мест, связанных с личностью шейха Кунта-хаджи. В этом контексте следует подчеркнуть, что местные суфии адаптировали под ислам практики языческих культов. Замечено, что определенные природные объекты в этих местах наделяются священным значением. К ним относятся сад и огород, где до сих пор растет дерево, посаженное шейхом, камень, служивший ему для омовений, и источник, вода которого почитается как целебная. Множество паломников прибывают сюда, заранее приготовив емкости для воды. После выполнения всех религиозных обрядов, на обратной дороге они посещают село Илсхан-Юрт в Гудермесском районе, где расположены зийараты отца Кунта-хаджи Кишиева и его брата Моцы, которые в народе также очень почитаемы. Эти места не остаются без паломников никогда, но самая значительная часть посетителей бывает, конечно, в мусульманские праздники и в день рождения Кунта-хаджи Кишиева.

### **Правила поведения во время посещения зийарата**

Посещение зийаратов, согласно установившимся правилам, подчинено строгому порядку. Ритуал включает в себя полное или частичное омовение и произнесение молитв. Приближаясь к зийарату, необходимо поприветствовать всех, кто покоится на кладбище, вознести молитвы к Аллаху и обойти могилу трижды. Обход совершается против часовой стрелки. Некоторые паломники прикасаются рукой к зийарату, хотя другие считают это нежелательным. Ранее, как вспоминают паломницы, вход внутрь здания зийарата был запрещен, поэтому обход осуществлялся снаружи. В настоящее время, помимо обхода, многие совершают намаз и читают молитвы внутри зийарата, но важно помнить о запрете совершения намаза лицом к могиле. Дополнительный намаз можно совершить на специальной веранде или в близлежащей мечети. Уходить следует спиной вперед, будучи обращенным лицом к зийарату. Перед уходом паломники останавливаются и читают дуа, прося устаза о заступничестве перед Всевышним.

Несмотря на то, что описанные ритуалы паломничества вызывают разные мнения, как сторонников, так и противников, респонденты отмечают, что количество паломников по-прежнему велико. Желание проводить время в молитвах на зийаратах остается важным показателем религиозной жизни последователей Кунта-хаджи.

<sup>14</sup> ПМА 2025 г.

### *Современное состояние женской религиозной общины*

В наши дни наблюдается снижение числа молодых последовательниц зикра. Это обусловлено как местной критикой данных практик и убеждением в их не легитимности, так и нежеланием молодых девушек и женщин посвящать себя чтению молитв, выполнению вирд-заданий, выделять время на громкие зикры. Значительную роль в этом играют также мужчины – мужья и братья, которые часто считают подобные практики неприемлемыми. Год за годом вовлеченность молодежи в ритуальные женские практики неуклонно сокращается. Женщины, практикующие зикры более полувека, утверждают, что даже атеистическая пропаганда времен коммунизма не нанесла религии такого ущерба, как современное влияние салафитов, выступающих против суфийских практик, как женских, так и мужских.

Несмотря на это, для тех, кто остается частью этой социокультурной группы, жизнь без этих практик теряет смысл. В рамках зикра и во время паломничеств женщины находят пространство для самовыражения и духовного развития, которое может быть ограничено в других аспектах их жизни. Они становятся активными участницами религиозных дискуссий, формируя собственное понимание ислама и роли женщины в нем. Это позволяет им не только сохранять традиции, но и адаптировать их к современным условиям, создавая уникальную форму религиозности, сочетающую элементы исторического наследия и современности.

### *Интернет в жизни паломниц*

Женщины-мюриды активно пользуются социальными сетями для репрезентации своей группы в интернете и используют различные Интернет-ресурсы, посвященные суфизму и лидерам суфийских сообществ. Они посещают каналы YouTube, Telegram, Instagram, TikTok и др., «где представлена самая разнообразная информация о жизни мусульман, их религиозных ритуалах и практиках; на страницах социальных сетей мусульмане делятся своими личными мнениями и переживаниями о самых разных аспектах окружающей их действительности; блоги и частные видеоролики в деталях рассказывают и показывают повседневную жизнь верующих. В киберпространстве мусульмане обсуждают вопросы выполнения обрядов, оспаривают религиозные авторитеты, транслируют религиозные знания и участвуют в ритуалах» [12, с. 5]. Многие из жизни суфиев находят отражение в их переписках и статусах участниц зикра. Организация встреч и мероприятий происходит через переписку в группах. Рассылку делают наставницы всей группе. Чаще всего видеofиксацией мероприятий занимаются женщины помоложе, так как старшие не считают это нужным. Но женщины в возрасте до 65 лет почти все умеют пользоваться видеокамерой и фотографировать все достопримечательности, которые для них важны. Заходя на страницы WhatsApp, можно почти каждый день находить новые фото и видеоматериалы из жизни женщин-суфиев. Несмотря на то, что в прошлом фотографирование считалось недопустимым и нежелательным, современные паломницы не видят в этом ничего предосудительного. Они много фотографируют и делают видео своих поездок, которые в последствии выкладывают на своих страницах в Instagram и WhatsApp

В таких группах состоят не только женщины из Ингушетии, но и соседних регионов, практикующих суфийские практики. Естественно, это закрытые группы, в которые не допускаются незнакомые им люди. Такая форма общения особенно активно стала внедряться в обществе в период пандемии, ускорив процесс перехода женщин в онлайн-пространство. Вспоминая этот период, женщины говорят, что наличие такого пространства очень гармонизировало их внутреннее душевное состояние в период изоляции. Им стало доступно большое количество информации из социальных сетей, касающееся религии и суфизма. «Для людей, оставшихся в изоляции, он стал основным источником информации, позволяющим находить ответы на вызовы новой повседневности. Большая часть общества, бывшая в стороне от интернет-технологий, вынуждена была перестроиться на новый источник информации» [13, с. 136]. Значительная часть имамов мечетей Ингушетии создали свои аккаунты в Instagram, на YouTube канале и других социальных сетях, где можно получить ответы на многие вопросы, связанные с исламом. За это время количество роликов адептов того или иного шейха увеличилось во много раз. Это ярко иллюстрирует, насколько высок культ шейхов-*аулийа* и насколько сильна вера в них в обществе.

С указанного периода возросла религиозная активность женщин в интернет-пространстве. Появление такой платформы во многом облегчило жизнь женщин-мюридов и дало новый импульс для фиксации своей жизни.

Возможности социальных сетей значительно расширили аудиторию суфийских братств. Если нужно помолиться за тяжело больного пишут текст о том, что в такой-то больнице лежит больной с указанием болезни и фамилии и просьбой сделать за него дуа о выздоровлении. Либо обращаются за помощью на лечение такого-то больного, которому требуется дорогостоящая операция. Что примечательно, такое обращение не имеет региональной привязки: на него отзываются, как правило, те, кто связан родством или дружбой с подписчиками опубликованного призыва к помощи канала, независимо от того, является он представителем того или иного тариката или религиозного братства.

В канун важных мусульманских праздников или памятных дат такие каналы выкладывают на своих страницах в социальных сетях или пересылают перечень и количество молитв, которые желательно читать в определенный день, испрашивая у Аллаха милость и заступничество в Судный день. В сообщениях даже расписывается какая доля милости может быть получена за то или иное количество молитв, произнесенных в указанное в сообщениях время и какова их ценность, если их читать в определенное время. Вера в силу коллективных молитв и их значение для многих верующих еще остается значимым психологическим приемом, позволяющим им рассчитывать на божью благодать, используя социальные сети.

Как вспоминают женщины старшей возрастной группы, в 70–90 гг. они выполняли социально значимую функцию в обществе, заключающуюся в духовном воспитании девочек. Они проводили у себя дома занятия, обучая их молитвам и рецитации Корана. Высока была их роль в организации помощи при строительстве дома, лечении больных, пользуясь своим непререкаемым авторитетом в обществе, они могли привлечь к этому своих родственников и знакомых, подключить все возможные ресурсы. Женщины рассказывают, что много молитв они обращали к Аллаху во время войн в Афганистане, Чечне, осетино-ингушском конфликте и других, с просьбой о скорейшем окончании этих трагедий. В тяжелые годы военных событий они проводили коллективные зикры с женщинами - адептами Кунта-хаджи из Чечни, поддерживали милостыней *садака* беженцев из Северной Осетии-Алании и вынужденных переселенцев из Чеченской республики.

В советский период женщины-мюриды обладали широкими полномочиями в ингушском обществе, их мнение учитывалось при рассмотрении различных вопросов касающихся прав женщин. Например, их высокий статус позволял им выступать медиаторами при бракоразводных процессах. В настоящее время решение таких вопросов происходит в шариатском суде [14, с. 114], который выполняет консультативную функцию, где учитываются нормы шариата, а женщина без *махрама* не может быть ответчиком при любом судебном разбирательстве. Женщины-мюриды в нем влияния не имеют.

Конкурируя с медийным исламом, женщины-мюриды проигрывают в степени влияния на молодежь. С годами их функции в обществе отходят на второй план. Их стало меньше, они не так значимы как раньше. Их авторитет в глазах молодого поколения падает, так как они, по их мнению, не компетентны во многих вопросах, касающихся ислама. В прошлые времена эти женщины были носителями не только знаний про религию, но и обладали очень большим авторитетом в обществе людьми. В настоящее время необходимость в их консультативной помощи стремительно сокращается. «В русскоязычном интернете функционируют более сотни различных сайтов исламской тематики независимо от мазхаба (школ шариатского права в исламе) и целевой направленности; имеется раздел, посвященный вопросам семьи и женщин. Все они транслируют преимущества мусульманского образа жизни, рассматривают проблемы, с которыми приходится иметь дело женщинам, решившим жить по шариату в светском государстве, публично демонстрируя свою религиозность с помощью одежды и других символов» [15, с. 122].

Современное ингушское общество подвержено влиянию глобализации и секуляризации, что приводит к изменениям роли *туркха* и *тхамады*. Распространение религиозного образования, средств массовой информации и интернета ослабляет авторитет религиозных наставников и создает новые источники информации и знаний. В этой ситуации роль женщин-мюридов стать мостом между традициями и современностью, передать мудрость предков и укрепить исламские ценности в ингушском обществе. Религиозная жизнь ингушских женщин не исчерпывается лишь присутствием на религиозных

церемониях. Она пронизана будничными действиями, такими как изучение Корана, выполнение обязательных молитв, соблюдение религиозного поста, а также занятие добрыми делами и укрепление общественных отношений.

## Заключение

Проведенное исследование позволяет увидеть наметившийся раскол в современном ингушском обществе через отношение к женской суфийской религиозной практике. Старшее поколение ингушских религиозных деятелей, как правило, не видит ничего плохого в проведении женского зикра или паломничествах и в целом одобряет эти обычаи. Подтверждением тому служит и устройство женской половины в новой джума-мечети в Назрани в 1996 г., возведенной по просьбе женщин, участвующих в зикре. Они, подобно мужчинам, подчеркивали важность проведения большего количества времени в молитвах в мечети в течение месяца Рамадан.

В советскую эпоху местное общество придавало большое значение личности духовного учителя (*устаза*). Старшее поколение придерживается норм традиционного ислама, в которое важное место занимали суфийские практики. На современном этапе значительная часть молодежи считает, что все суфийские практики – зикры, мавлиды, посещение зийаратов – противоречат нормам ортодоксального ислама. Молодые люди, получившие образование в странах арабского мира, стали распространять в местном обществе нормы ислама, которые существуют в тех странах, в которых они обучались, но они чужды и не приемлемы для современных ингушей. Общество поделилось на две части в котором стали превалировать новые ценности и новые исламские нормы, противопоставляющие «традиционный» ислам старшего поколения и ислам «новых» молодых мусульман.

Старшее поколение идеализировало женщин, практикующих зикры. Их высокий социальный статус проявлялся в участии во всех значимых событиях: похоронах, свадьбах, праздниках по поводу рождения ребенка, возвращения из армии, долгого отсутствия на родине членов семьи, где их просили прочитать мавлиды и дуа.

На современном этапе постепенно вырождается и институт суфийского наставничества, существовавший в ингушском обществе с середины XIX в. Его место стали занимать интернет ресурсы, из которых некоторые современные мусульмане черпают знания об исламе.

Таким образом, религиозные групповые зикры и функционирование сети зийаратов выступают в настоящее время фактором поддержания женских суфийских практик. Возможно женщины-мюриды смогут адаптироваться к меняющимся условиям современного мира и стать мостом между традициями и современностью в ингушском религиозном обществе.

**Финансирование.** Статья подготовлена в рамках работы по теме НИР «Россия — Запад — исламский мир: конфликты и взаимодействие в конкурентных парадигмах пространственного развития (историко-культурные, музейные и архивные источники)» (рук. Е.А. Резван).

**Acknowledgements.** This research was supported by the project “Russia – The West – The Islamic World: Conflicts and Interaction in Competitive Paradigms of Spatial Development (Historical-Cultural, Museum, and Archival Sources)” (Principal Investigator: E. A. Rezvan).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахимов Р. Своеобразие ислама в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2011. № 1. С. 97–114.
2. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.
3. Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края: историко-этнографический очерк. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. 51 с.
4. Хабибуллина З.Р. Паломничество мусульман к могилам «святых» в поле деятельности уполномоченного Совета

## REFERENCES

1. Rakhimov R. The originality of Islam in Central Asia. *Russia and the Muslim world*. 2011; 1: 97-114. (In Russ)
2. Basilov VN. *Cult of saints in Islam*. Moscow: Thought, 1970. (In Russ)
3. Syzranov AV. *Holy places of Muslims of the Astrakhan Territory: historical and ethnographic essay*. Astrakhan: Publishing House "Astrakhan University," 2006. (In Russ)
4. Khabibullina ZR. Pilgrimage of Muslims to the graves of "saints" in the field of activity of the authorized Council for

по делам религиозных культов в БАССР // Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Полиграфсервис, 2015. С. 201–204.

5. Бабаджанов Б. Муминов А. Мавзолей Наджм ад-дина Кубра как символ расцвета культа святых в Хорезме золотоордынского периода // *Journal of Central Asian History*. 2023. Vol. 2. No. 2. P. 176–229.

6. Стасевич И.В. Роль паломничества в формировании религиозной идентичности (на материалах казахской культуры) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. № 2. С. 550–562.

7. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. С. 179–188.

8. Гусенова Д.А. «Женские практики» в неканоническом паломничестве в исламе // *Исламоведение*. 2021. Т. 12. No 2. С. 71–83

9. Мальсагов М.С. Древо жизни. Нальчик, 1999.

10. Албогачиева М.С.-Г. Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии. // *Ислам в современном мире*. 2018. № 2. С. 149–164.

11. Вачагаев М. Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009.

12. Хабибуллина З., Муратова Э. Виртуальный ислам на постсоветском пространстве: киберсреда и религиозные авторитеты. Баку: AVE Print, 2023. 258 с.

13. Албогачиева М. Суфизм в Ингушетии в условиях пандемии COVID-19 // Суфизм после СССР. Москва – Санкт-Петербург: Марджани, Аль-Макам, 2022. С. 121–139.

14. Албогачиева М.С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. СПб РАН, 2009. С. 114–118.

15. Хабибуллина З.Р. Ислам и гендер в Интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // *Этнография*. 2021. №4 (14). С. 119–137.

Religious Cults in the BASSR. *Ethnos. Society. Civilization: IV Kuzeev readings: Mat. International scientific practice. conf.* Ufa: Polygraphservice, 2015: 201–204. (In Russ)

5. Babadzhanov B. Muminov A. Mausoleum of Najm ad-din Kubr as a symbol of the heyday of the cult of saints in Khorezm of the Golden Horde period. *Journal of Central Asian History*. 2023; 2(2): 176–229. (In Russ)

6. Stasevich IV. The role of pilgrimage in the formation of religious identity (based on materials of Kazakh culture). *Bulletin of St. Petersburg University. History*. 2022; 67 (2): 550–562. (In Russ)

7. Aitberov TM. Epitaphs of the sheikhs of the fraternities Safaviya, Khalvatiya and Sukhrawardiya in Dagestan: to the history of Iranian-Dagestan ties of the 15th century. *Dagestan and the Muslim East. Collection of articles/Comp. and resp. ed. A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov*. Moscow: Marjani, 2010: 179–188. (In Russ)

8. Gusenova DA. "Women's practices" in non-canonical pilgrimage in Islam. *Islamic studies*. 2021; 12(2): 71–83. (In Russ)

9. Malsagov MS. *Tree of life*. Nalchik, 1999. (In Russ)

10. Albogachieva MS-G. Women's Sufi practices of loud dhikr in Ingushetia. *Islam in the modern world*. 2018; 2: 149–164. (In Russ)

11. Vachagaev M. *Sheikhs and Ziyarats of Chechnya*. Moscow, 2009. (In Russ)

12. Khabibullina Z., Muratova E. *Virtual Islam in the post-Soviet space: cyber environment and religious authorities*. Baku: AVE Print, 2023.

13. Albogachieva M. Sufism in Ingushetia in the context of the COVID-19 pandemic. *Sufism after the USSR*. Moscow – Saint Petersburg: Marjani, Al-Makam, 2022: 121–139. (In Russ)

14. Albogachieva MS-G. Functioning in Ingushetia of a three-link court: adat, sharia and Russian (XIX century). *Lavrovsky collection*. Saint Petersburg RAS, 2009: 114–118. (In Russ)

15. Khabibullina ZR. Islam and gender on the Internet: women, visibility and the fight against stereotypes. *Ethnography*. 2021; 4 (14): 119–137. (In Russ)

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята в печать 13.10.2025

Опубликована 15.03.2026

Received 15.04.2025

Accepted 13.10.2025

Published 15.03.2026